

УТВЕРЖДАЮ

Ректор Тверского государственного университета

А.В. Белоцерковский

3.09.2015 года

ОТЗЫВ

**ведущей организации – Тверского государственного университета
о диссертационной работе Балашовой Елены Анатольевны**

**«Функционирование русской стихотворной идиллии в XX-XXI вв.:
вопросы типологии», представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

по специальности 10.01.01. – Русская литература.

В диссертации Е.А. Балашовой поставлена действительно актуальная проблема – проблема жанра в современной литературе. На сегодняшний день существует немало суждений о том, что «в конце двадцатых годов XIX века происходит закат жанра идиллии» (с. 215), равно как и других лирических жанров. Автор диссертации уже самой постановкой вопроса подвергает справедливому сомнению распространенное суждение о «внежанровом мышлении» неклассической литературы. Более того, в диссертации впервые убедительно доказывается факт существования идиллии сегодня, приводится солидный корпус текстов с жанровыми признаками идиллии, рассматриваются варианты модификации жанра и причины этих модификаций.

Диссертация обращает на себя внимание и попыткой через призму категории жанра увидеть авторско-индивидуальное своеобразие

литературных произведений и, вместе с тем, общность закономерностей литературного процесса. Вполне естественно в этой связи, что в диссертационном исследовании художественные произведения, избранные для анализа, рассматриваются не сами по себе, а с учётом контекста предшествующей литературной традиции. Такого рода историчность позволяет в данном случае выстроить доказательную базу в историко-литературном и собственно теоретическом ключе: выявить пути трансформации идиллии в русской литературе XX-XXI веков.

В этом контексте цель работы – определение художественных особенностей русской стихотворной идиллии XX–XXI вв. и специфики её функционирования – согласована с поставленными задачами и достигнута полностью, соответствует полученным результатам. Жанр идиллии не просто признан «живым», подробно описаны его этапы эволюции. В развитии жанра выделяются две стадии: «Идиллическое как предшествующее собственно жанровому образованию» (219) и как «постжанровое явление» (там же). Правда, непонятно, почему в эпоху расцвета жанра идиллии идиллическое может существовать как в рамках жанра, так и за его пределами. Не стоит ли говорить о трех стадиях, вставив вторую: жанровое освоение идиллического и одновременно тематизация вне жанра? А третья стадия тогда: жанр канонический уходит на периферию, и остается идиллическое как «память жанра» или «недожанр» (219).

Достоверность исследования обеспечивается тщательным отбором значительного по своему объему исследуемого материала: «проанализировано около 3000 современных текстов более чем 1000 авторов» (7-8). При этом в работу включены не только собственно идиллии, но и антиидиллии, пародии на идиллию, стихотворения с идиллическими мотивами, в результате чего в научный обиход введен «значительный фактический материал» (с.7-8). Мысль о периферийности идиллии, высказанная Е.А. Балашовой, доказывается и иллюстрируется современным

литературным материалом. В результате диссертантом выводится не такая уж и «ломаная линия» (Тынянов) развития жанра: «История развития русской идиллии предстает как движение от начального строгого жанрового соответствия «образцам» к их трансформации, изменению, а потом и к массовой репродукции идиллических сюжетов и мотивов. Этот последний и завершающий этап освоения жанрового образования свидетельствовал вовсе не о разрушении жанра, а, напротив, о «его стабилизации в русском сознании»» (47).

Основой исследования становится понимание жанровой природы художественного текста: «Читатель узнает информацию о способе понимания предложенного текста через литературный код – жанр, и эта информация во многом облегчает понимание данного текста» (13). В этом смысле жанр – не просто система устойчивых признаков, а негласная конвенция авторов и читателей по поводу правил создания и правил прочтения текста. Очень важно, что автор отступает от «накопительной» идеи жанра и рассматривает его не только статически, в контексте определенной эпохи, но и динамически, как гибкую систему признаков, обусловленную как изменяющимися литературными правилами, так и внелитературной реальностью. В истории литературы может произойти отказ от канона, но отказ от жанра невозможен (см. с. 18-19).

Важен и разговор об отступлении от жанровых правил, создание антижанров: «Антижанр легко создается там, где исходный жанр обладает определенным содержанием» (271). В этом смысле антиидиллия нарушает читательское ожидание, создает минус-прием, который, однако, невозможен без памяти жанра, без ощущения отсутствия искомым признаков. Антижанр являет собой «симптомы кризиса устоявшейся жанровой системы, возникает в переломные периоды» (284-285) – это очень точное замечание объясняет декларативное «отрицание» авторами не только идиллии, но и многих других жанров.

Правда, необходимо уточнение относительно синонимичности употребляемых диссертантом понятий: «инвариант – то же, что канон» (19). Нам такая идея представляется спорной, так как инвариант – теоретическая модель, которая складывается из повторения частотных жанровых признаков определенной эпохи. Канон – не просто модель, это эстетическая идея жанра, его содержательное наполнение, обуславливающее инвариант, устойчивое ядро жанра (по Лейдерману). Продуктивной представляется другая идея – о смене канона жанровым законом, а затем и внутренней мерой жанра (20-22). Именно она становится отправной точкой для анализа трансформации идиллии, в результате чего диссертант убедительно демонстрирует, как канон идиллии перестает быть жестким, распадается на ряд частных законов, а затем сменяется «идеей» жанра, его внутренней мерой, идиллическими чертами, которые не принадлежат лишь жанру идиллии, а растворены в современной литературе – от пародии» до синтеза с другими жанрами.

Возникает вопрос и о другом термине – «жанровая форма». Диссертант употребляет его вслед за Н.А. Николиной «как итог взаимодействия художественных и нехудожественных жанров в литературном процессе (биография, хроника обуславливает появление эпистолярного романа)». Есть более традиционное использование этого термина: жанр с разрушенным жанровым содержанием, напр., сонет или триолет. Конечно, термины – это «не особые слова, а слова в особом значении» (Ю.М. Лотман), но стоит ли нарушать устоявшиеся традиции? Хотя справедливости ради надо отметить, что в остальном понятийно-терминологический аппарат диссертации Е.А. Балашовой безупречен.

Отдельного разговора заслуживает идея о межродовом характере идиллии. «Под идиллией имеется в виду средний между лирикой и эпосом (часто с присоединением драмы) «род искусственной (не народной) поэзии»» (32). О присутствии в лирике «эпического» и «драматического», о полиродовом характере стихотворений сегодня ведется много дискуссий

(см., напр.: Исрапова Ф.Х. Металирика в смене художественных парадигм: монография. М.: Изд-во Буки Веди, 2015. 298 с.), и, вероятно, для этого есть свои основания. «Черты идиллии стабильны не только внутри поэзии. Эпические прозаические произведения обладают тем же набором устойчивых признаков» (65). Но действительно ли о межродовых чертах идиллии идет речь? Или о том, что идиллическое может проявлять себя в эпосе и в лирике? На наш взгляд, идиллическое – действительно межродовое, но вот жанр стихотворной идиллии принадлежит лирике. Продуктивно ли говорить о наличии эпических черт в стихотворной идиллии Мандельштама? Кроме того, материалом диссертации стали именно и только лирические стихотворные идиллии. Безусловно, мы можем говорить о наличии драматических или эпических характеристик, но доминирует-то лирическая. И речь не о чувствах, а о впечатлениях, которые могут быть даны посредством каких угодно описаний или даже диалогов. Впрочем, повторимся, это поле для дискуссий.

Самый, наверное, интересный вопрос в диссертации такого рода, посвященной конкретному жанру, - вопрос о жанре и способах выделения жанровых признаков. На каком основании выделяется тот или иной жанр, особенно если он не маркирован автором (а впрочем, даже если и маркирован). Неминуемо у исследователя возникает множество вопросов. Стихотворение Г.Державина «Похвала сельской жизни» по своему жанру - подражание Горацию? Или ода? Или идиллия? (кстати, в 4 главе не хватает раздела «Идиллия и ода»). На с.50 к идиллии отнесены «Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину» И. Дмитриева, «К Феоне» М. Муравьева, затем «Послание к А.И. Тургеневу» К. Батюшкова и послание «К Батюшкову» Н. Гнедича, все тексты с жанровыми заглавиями. Мотив приглашения в гости сразу делает текст идиллическим? Безусловно, в этих текстах есть картины сельской жизни и гармонии человека с миром, но как быть с жанровыми заглавиями, с авторской интенцией? Более того, как быть с устоявшимися взглядами на жанр в литературоведении и читательской практике,

приобретенными во многом еще в школьные годы? Не отрицая точки зрения диссертанта, хотелось бы уточнить принципиальность такой любопытной позиции.

Интересен и разговор об авторах без идиллий: «В творчестве многих авторов идиллия отсутствует» (76), далее дается их перечень. В том числе назван и Б.Пастернак, но нет ли идиллического или даже жанровых признаков идиллии в стихотворениях «Июль» и «Когда разгуляется»? Почему стихотворение Н.Тряпкина «Раздуй лежанку, раздуй лежанку...» (95) - идиллия, а стихотворение Б.Пастернака «Ночь» или «Снег идет» - нет. И не зависит ли выделение черт жанра (в данном случае жанра идиллии) от интерпретации стихотворения (которая, как известно, у каждого своя), а значит, от установки читателя?

Важным представляется раздел об идиллиях А.Крученых, и не только потому, что жанровую природу экспериментальной поэзии мало кто изучал. Диссертант доказывает, что «любой из текстов цикла (речь идет о «Рубиниаде» - С.А.), относимых автором к идиллии, устойчиво, постоянно воспроизводит систему признаков инварианта, неизменной структуры и даже порождает вариации» (74). Интереснее другое: возможно ли говорить о жанрах авангардной поэзии? Не делает ли ее поиск формы «ездой в незнаемое» не только в плане формы, но и в плане жанра, не лишает ли жанровой определенности?

Одно из важных достижений диссертанта – описание тематических маркеров идиллии, таких как спокойная сельская жизнь, труд на лоне природы, гармония и умиротворение героя, изобилие и в то же время довольство малым и т.п. Вероятно, логично рассматривать эти тематические черты в совокупности, а не по отдельности. Например, мотив цикличности времени присущ не только идиллии, вспомним «умрешь – начнешь опять сначала» А.Блока. Кладбищенская тема и мотив повторяемости и связи времен присущи и элегии, начиная с «Сельского кладбища» в переводе

В.Жуковского. Мотив еды организует стихотворение Пастернака «Все снег да снег, терпи и точка...», где натюрморт охватывает весь мир. Так где граница идиллии и других жанров?

Особенно интересен этот разговор на примере границы идиллии и элегии, которые в XIX веке тематически сближены. Да и в XX веке тоже, см. стихотворение Н.Тряпкина «Снится мне утро и домик у речки...» (111): гармоничная картина заканчивается в последней строке «Как ты поплачешь о милом крылечке». То же и у Сельвинского в стихотворении «Здесь прежде улица была...» (112): прошлое противопоставляется настоящему, гармония – дисгармонии и несовершенству мира. Можно ли говорить о том, что утраченная идиллия отражена в элегии? Что элегия есть своего рода антиидиллия? (см.раздел 2.4.2. Интериоризация как способ реализации идиллического хронотопа) Многие стихотворения А.Барковой содержат тоску по идеальному и описание утраченной гармонии, но назвать их идиллией сложно («Чужие сады» (121) в том числе), скорее элегией.

Есть и ряд частных вопросов и уточнений. Так, стихотворение «25.XII. 1993» И.Бродского названо отрывком (103) и процитирована одна строфа, хотя в стихотворении их три, и третья вводит мотив покидания дома, что не характерно для идиллии. А если «идиллическое может быть связано не только с восприятием античности, но и с восприятием христианства» (103), то можно ли все рождественские стихи Бродского отнести к идиллии?

Особого внимания заслуживает разговор о хронотопе в идиллии (161) – по М.Бахтину, хронотоп присущ эпическим текстам, а в лирических отсутствует, потому что именно повествовательный жанр определяет временные характеристики, а они, в свою очередь, определяют пространственные. Но в идиллии так быть вроде бы не может, т.к. пространство или время могут быть «пропущены», редуцированы: «идиллия предполагает и невременные формы» (175). А раз нет единой пространственно-временной схемы, то нет и хронотопа, а есть лишь

пространство и время по отдельности. Кроме того, не совсем ясно: идиллический хронотоп может быть только в идиллии? Или в других жанрах тоже? Стихотворения, представленные в разделе «2.4.3. Вид транспорта как разновидность идиллического хронотопа» (189), не всегда соотносятся с жанром идиллии. Хотя сам по себе раздел очень любопытный, подобран замечательный материал, который многое объясняет в современной поэзии, в частности, метафору движения и поиска героем себя.

Раздел 3.2 об идиллиях у О.Мандельштама – один из самых интересных и бесспорно удачных в диссертации, как, впрочем, и вся 3 глава в целом, и раздел об идиллическом в военной поэзии. А мысль о колебаниях жанрового обозначения для переходных форм (248) очень точно характеризует жанровую ситуацию и маркирование авторами текстов сегодня. Особенно продуктивен разговор про «самозванку» идиллию «без идиллических признаков» (250) – здесь впервые в истории русской литературы подробно описан феномен авторской рефлексии о жанре не на базе жанровых признаков: «Идиллии в заголовках и жанровых определениях появляются не как знак литературной традиции, а как зачин новой традиции» (252). Именно исследование пути от классической идиллии к идиллии современной и аналитическое выделение продуктивных моделей является важнейшим достижением данной диссертации.

В 4 главе есть очень важный и многое объясняющий раздел «4.2. Идиллия во взаимодействии с другими жанрами». И дело даже не в дефинициях и том, что «порой терминов «система жанров» (да и самого термина «жанр») может не хватать» (313), а в том, что именно взаимодействие и рождает систему в ее привязке к каждому конкретному стилю и конкретной эпохе. При этом жанр, проникая в другие, не обязательно исчезает сам по себе, просто он оказался продуктивным.

Правда, остаются вопросы относительно соотношения и, главное, доминирования разных жанров. Например, в идиллии «отличие от элегии в

том, что она как раз тяготеет к временным характеристикам: элегия говорит о невозвратности, необратимости для отдельного человека времени» (315). Но в стихотворении Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» это различие просто не работает, а в элегии Пушкина «Безумных лет угасшее веселье...» дается намек на возврат идеалов юности:

И может быть — на мой закат печальный

Блеснет любовь улыбкою прощальной

Такое доминирование всегда авторское, как в «элегидиллиях» Чиннова (4.2.2, с. 327).

Интересно и проследить разницу между «изображающим» и «изображенным» в жанре идиллии, причем тематизация жанра всегда говорит о его расширении, повышении статуса в системе жанров, авторской рефлексии о жанровой природе. О том же свидетельствует и пародия на жанр. Высказывание Ю. Тынянова: «неминуемо, когда «герой-монологист» становится тематическим материалом, он приобретает условные черты, а условность эта используется стилизаторами и приводит...к гибели героя» (353) можно рассматривать двояко – типизируясь, герой гибнет, но одновременно с тем типизируется и тиражируется сама идея определенного типа героя. В результате пародия самим фактом своего существования связывает жанры современности с каноническими образцами.

Все высказанные нами замечания и сформулированные вопросы не умоляют значимость работы. Она представляет собой оригинальное и завершённое исследование, которое, бесспорно, можно квалифицировать как весомый вклад в теорию лирических жанров и историю их трансформации в неканонический период.

Диссертация Е.А. Балашовой на тему «Функционирование русской стихотворной идиллии в XX-XXI вв.: вопросы типологии», представленная к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук по

специальности 10.01.01 – Русская литература, является законченной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований делаются важные для теории жанра выводы. Особенно важными представляются нам следующие (см. автореферат, с 7, положения, выносимые на защиту):

1. Опровержение тезиса ученых о внежанровости лирики начиная с романтизма.
2. Доказательство существования и плодотворного развития стихотворной идиллии на протяжении XX- нач. XXI вв.
3. Выявление «промежуточных» и «пограничных форм» идиллии в современном литературном процессе.
4. Определение наиболее продуктивных в эпоху художественной модальности идиллий

Положения диссертации отражены в монографии, 8 учебных пособиях и учебниках, 17 ВАКовских и 41 обычных (в т.ч. 8 – в иностранных сборниках и периодических изданиях) публикациях по теме диссертации, автореферат полностью соответствует структуре и содержанию диссертационного исследования.

Тема диссертации соответствует избранной специальности. По своей актуальности, научной новизне, объёму выполненных исследований и практической значимости полученных результатов представленная работа соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора наук, а её автор достоин присуждения искомой степени по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен кандидатом филологических наук, доцентом кафедры теории литературы ТвГУ Светланой Юрьевной Артёмовой, обсужден и утвержден на заседании кафедры теории литературы ТвГУ (протокол № 1 от 2 сентября 2015 г.)

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры теории

литературы ТвГУ, докторант

Светлана Юрьевна Артёмова

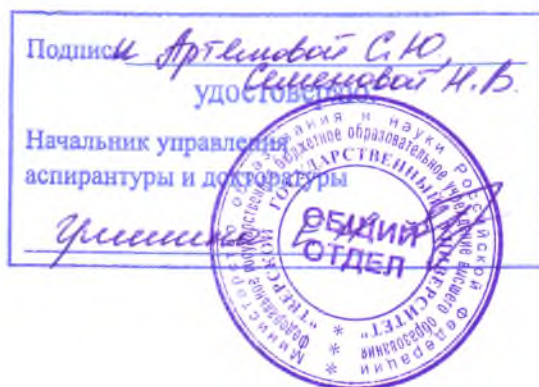
И.о. заведующего кафедрой

теории литературы ТвГУ

доктор филологических наук

профессор

Нина Васильевна Семенова

Адрес организации: 170100 Тверь, ул. Желябова, д.33. Тверской государственный университет.

Адрес кафедры теории литературы: 170002 Тверь, просп. Чайковского, д.70, 43 ауд.

Электронный адрес: svart1@yandex.ru Телефон: 89206801675